

Особенности перевода художественного текста на примере фразы-сообщения

Салманова Гюльгыз Сабир гызы

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан, gulgez67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной теме. В ней рассмотрены специфические и наиболее характерные ситуации с оптимальными возможностями их перевода. В классической теории эквивалентности учёные анализируют качество перевода языков неродственных групп на различных уровнях. В данной статье за основу взят только один конкретный уровень – сообщение. В центре внимания автора примеры на двух языках – английском и русском. Избранный уровень перевода замкнут одной или же несколькими фразами. Лаконичность высказывания, по замыслу автора, носит двоякий характер: с одной стороны, она упрощает задачу специалиста, так как выбор лексем на относительно небольшом языковом отрезке предельно ограничен. С другой стороны, она же требует и чёткости при переводе. Статья условно разделена на три части. В первой описаны ситуации, характерные для двух языков одновременно; во второй – только для исходного языка; в третьей напротив, – переводного.

В статье приведены примеры трех вариантов ситуаций, характерные для двух языков – английского и русского одновременно; только исходного либо переводного, разумеется, не исчерпывают эту большую и сложную проблему. Автор намеренно сузил её рамками характерных ситуаций в русском и английском языках только на уровне сообщений. Это могли быть отдельные фразы или несколько тесно связанных между собою по смыслу предложений. Между тем этот вопрос разрастается по принципу «снежного кома», если к обозначенным ситуациям присовокупить черты и признаки индивидуальных авторских сообщений. В таком случае и лексико-семантическая структура текста заметно усложнится.

Ключевые слова: художественный перевод, переводоведение, фраза-сообщение, теория эквивалентности, азербайджанская литература

Для цитирования: Салманова Гюльгыз Сабир гызы. Особенности перевода художественного текста на примере фразы-сообщения // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 122–127. http://dx.doi.org/10.54398/1818-4936_2022_1_122.

Original article

Features of the translation of a literary text on the example of a phrase-message

Salmanova Gulgyaz Sabir gyzy

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, gulgez67@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a little-studied topic. It considers the specific and most characteristic situations with the optimal possibilities of their translation. In the classical equivalence theory, scientists analyze the quality of translation of languages of unrelated groups at various levels. This article is based on only one specific level – the message. The author focuses on examples in two languages-English and Russian. The selected translation level is closed with one or several phrases. The conciseness of the statement, according to the author's plan, is twofold: on the one hand, it simplifies the task of the specialist, since the choice of lexemes in a relatively small language segment is extremely limited. On the other hand, it also requires clarity when translating. The article is conditionally divided into three parts. The first describes situations that are characteristic of two languages at the same time; the second describes only the source language; the third, on the contrary, describes the translated language.

The article provides examples of three variants of situations typical for two languages – English and Russian at the same time; only the original or translated, of course, do not exhaust this large and complex problem. The author deliberately narrowed it down to the scope of typical situations in Russian and English only at the level of messages. These could be separate phrases or several sentences that are closely related in meaning. Meanwhile, this issue is growing on the principle of a "snowball", if the features and signs of individual author's messages are added to the designated situations. In this case, the lexical and semantic structure of the text will become noticeably more complicated.

Keywords: literary translation, translation studies, phrase-message, equivalence theory, Azerbaijani literature

For citation: Salmanova Gulgyaz Sabir gyzy. Features of the translation of a literary text on the example of a phrase-message. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;1(81):122–127. (In Russ). http://dx.doi.org/10.54398/1818-4936_2022_1_122.

Введение. В 1960–1970-годах в русском переводоведении критическому анализу стала подвергаться теория «эквивалентных уровней». В её основе лежали вопросы, определяющие критерии поиска наиболее типичных ситуаций, которые существуют одновременно как для ИЯ, так и ПЯ¹. К этому времени в работах видных теоретиков – В.Н. Комиссарова, М. Гаспарова, В.А. Дмитренко, Т.Р. Левицкой, А.М. Фитерман и многих других уже достаточно основательно были рассмотрены проблемы, связанные с такими видами переводов, как авторский, вольный, буквальный и т.д. Учёные также активно работали и над различными подходами к разграничению поэтического и прозаического переводов. Между тем отдельные аспекты интересующей нас в настоящей статье теории, благодаря сопоставлению разных уровней эквивалентности на базе типичных либо нетипичных ситуаций в двух неродственных языках открыли очень широкие перспективы как для частных, так и общих вопросов переводоведения. Существо дела заключалось в том, что в такого рода дискуссиях получили освещение и некоторые сопутствующие центральной проблеме вопросы. Постараемся и мы внести свою скромную лепту в этот вопрос. Не пытаясь «объять необъятное», введём два необходимых ограничения. Во-первых, как ни велик соблазн проиллюстрировать положения перевода двух-трёх фраз на нескольких уровнях эквивалентности, всё же лимитируем сравнение только на одном – уровне сообщения. Во-вторых, главным объектом исследования изберём перевод предложений с английского на русский, то есть двух языков неродственных групп.

Классическая теория эквивалентности на этом уровне требует прежде всего полноценной передачи релевантной информации текста. Это несложно объяснить: если к переводу привлекается материал минимального объёма, то он должен быть предельно чётко выражен такими же лаконичными языковыми средствами. Ведь любое сообщение – это краткая оперативная информация, и адекватность переданной ситуации на втором языке, во-первых, преграждает путь излишне вольной трактовке текста. Во-вторых, подразумевает примат содержательной структуры текста над его формой. В-третьих, налагает на переводчика двойную ответственность: по возможности ограничить явный отход от первоисточника, с одной стороны, но и не сужать его творческой инициативы – с другой.

Основная часть. Очевидно, что в процессе перевода на уровне двух-трёх фраз-сообщений определённая эквивалентность состоит в поисках специалистом тождества ситуации. Однако она объективно может вмещать в себя разнохарактерное количество признаков. В таком случае ставится вопрос: какой же перевод на уровне двух-трёх фраз (как правило, не более) считать эквивалентными и соответственно наиболее верным? Небезынтересную, на наш взгляд, мысль высказывает на этот счёт видный европейский учёный Э.М. Сьоран. В одной из своих монографий он подчёркивает: «...что сообщения, словно в ранге табелей, порою могут нести на себе такую смысловую нагрузку, которая по важности функции приравнивается к заглавию сочинения или его эпиграфу» [6, с. 111].

Что имеет в виду Сьоран? Сообщения, как и эпиграфы (или заглавия) носят краткий, лаконичный характер. Но в том и заключается их специфика, индивидуальное и отличие от более распространённых фрагментов текста. Вместе с тем, как верно утверждает учёный, сообщение трудно переводить. Но если переводчик добьётся желаемого результата и перевод сообщения откажется максимально приближённым к искомой фразе, то легче на основе всего дальнейшего текста солидаризоваться с авторской стратегией. Тем самым Сьоран фактически приблизился к модели того семантического поля, который отвечает замыслу писателя и переводчика.

Эта модель, о которой пишет Э.М. Сьоран, разумеется, может быть сконструирована по-разному, так как в конечном итоге выбор остаётся за переводчиком. Однако в любом случае переводчик обязан помнить, что теория уровней исходит из главенствующей роли содержания, а не формы. Кроме того, для специалиста аксиоматично: если имеется возможность подобрать в переводе такое сообщение, в котором признаки ситуации сохраняются, а ее восприятие читателем не нарушается, то такой перевод и следует признать эквивалентным.

Но переводчику в первую очередь необходимо чётко осознать, что сами ситуации в двух языках могут быть различными. Потому и признаки следует конкретизировать, исходя из реалий второго языка. Прокомментируем этот момент. Одна ситуация для английского языка как исходного может быть типичной, то есть в конкретном контексте совершенно приемлемой для другой – в русском языке. Тогда появляется реальная возможность для идентичного, «пословного» переноса данного сообщения. Ведь одним из главных признаков фраз-сообщений, которые конкретно должны быть переведены, органично вплетаясь в контекст, является осознанно предпочтение специалистом всем другим. Иными словами, переводчик оценивает каждую такую фразу в связи с эквивалентной ситуацией. Разумеется, если аналогия в двух языках возможна, допустима.

Сравним, например, две пары нижеследующих сообщений на английском и русском языках.
Do you say a serious? = You are not serious?
What brings you here?

¹ Здесь и в настоящей статье в дальнейшем под ИЯ имеется в виду исходный язык, то есть язык оригинального текста; под ПЯ – язык перевода.

В первых двух случаях возможен следующий буквальный (подчёркиваем) перевод:

– Вы говорите это серьёзно? Или: – Вы шутите, конечно?

– Что вас принесло сюда? Или: – Какими судьбами вы оказались здесь?

Второй вариант («Вы шутите, конечно?»), на наш взгляд, предпочтительнее с точки зрения учёта стилистической тонкости. При ответной реплике-сообщении – «Вы говорите это серьёзно?» – всегда имеется внутренний оттенок иронии, не столь ярко выраженный в английском языке. Напротив, при альтернативном сообщении в русском языке, как правило, сохраняется своего рода «нота проверки» на серьёзность разговора, когда собеседник испытывает правду. В таком случае об иронии чаще всего речь не идёт. Как видим, в английском и русском языках акценты расставлены по-разному.

Во втором случае при типичной для двух языков ситуации глагол «bring» ни в коем случае нельзя переводить дословно. «Какими судьбами вы оказались здесь?» – даже при наличии не существующего в подлиннике имени существительного и глагола выглядит гораздо убедительнее, так как для русскоязычного читателя эта форма афористична.

И. Левый ещё полстолетия тому назад с этнопсихологической точки зрения, не потерявшей, кстати, актуальности и в наши дни, устанавливал, что «фразам-сообщениям практически в любом языке, может соответствовать однотипная ситуация» [3, с. 88–89]. И. Левый имел в виду не столько собственно языковые, сколько экстралингвистические факторы. То есть, призывал профессиональных переводчиков к изучению быта и условий жизни народов, в которых и можно обнаружить аналогичные ситуации. Именно такие фразы-сообщения позволяют проводить между собой сравнения и сопоставления и считаются в двух языках эквивалентными. Соответственно этому, при других условиях их неправомерно называть эквивалентными:

Например: Now, Amelia, you mustn't give way (S.Houghton) – Ну-ну, Амелия, не расстраивайся.

Или: In ever heard of that – Первый раз слышу!

В отличие от вышеописанных двух пар, здесь просто нет иных вариантов. Это происходит по той основной причине, что два сообщения вне зависимости от контекста включены в ситуации, характерные как для ИЯ, так и ПЯ. При подборе любого иного варианта, по нашему убеждению, смысл сообщения элементарно исказится. Конечно, учёные могут возразить: бывают ведь такие случаи, когда переводчик теоретически имеет возможность передать ситуацию с полным сохранением структуры иноязычного сообщения. Но он обязан тогда учитывать характер восприятия текста массовым читателем, который не обладает специальными познаниями в лингвистике или литературоведении.

В.А. Дмитренко приводит пример необычного разрушения тождества. Он пишет о том, насколько важен учёт конкретной ситуации при определённых затруднениях. Словно на чашу весов учёный кладёт два перевода одного вопросительного высказывания: «My choice is to be final?». Эту фразу-сообщение можно перевести дословно: «Мой выбор будет окончательным?». И по-другому: «За мной будет последнее слово?». В.А. Дмитренко ясно (и он указывает в дальнейшем на собственное мнение недвусмысленно), что пословный перевод в принципе более точен. Но в данном случае, то есть на уровне фразы-сообщения, он не учитывает конкретную ситуацию. А она такова: последнее, по его предположению, «предпочтительнее, так как не косвенно, но непосредственно отвечает ситуации» [2, с. 55–56]. В сущности А. Дмитренко подтверждает мысль, которую мы высказали в самом начале нашей статьи о том, что теория уровней исходит именно из главенствующей роли содержания, а не формы.

Досадная ошибка может подстергать переводчика в тех случаях, когда в ситуации, характерной для языков разных групп, сохранение основных признаков приводит к элементарному недопониманию со стороны читателей. Автоматическое следование оригиналу искажает смысл, естественно, вызывая нежелательные ассоциации. Вот один из таких типичных случаев, взятых нами из «Северных рассказов» Дж. Лондона:

Their bodies were covered with fur (J. London)

Секрет удовлетворительного перевода этой фразы-сообщения кроется в том, что специалист должен уметь отделять значение выражений, скажем, «...горы были покрыты снегом» и вышеприведённое. Оказывается, в английском языке для этих целей используется один и тот же глагол: «covered», что совершенно несвойственно русскому языку. Здесь же при буквальном переводе получится: «Их тела были покрыты мехом». В лучшем случае это введёт русскоязычного читателя в заблуждение. А строго рассуждая, без учёта контекстного окружения вместо людей вообще можно ассоциативно вообразить себе какое-либо животное. Абсурд. А возникает это явление при передаче типичной ситуации, характерной для двух языков, но при этом требующей несложной творческой работы мысли. Поэтому, на наш взгляд, иного пути здесь просто не существует. Иначе возникнет искажение авторской идеи. И. Волжина, которая, в частности, перевела «Северные рассказы» Дж. Лондона, так и поступила: «Их одежда была сшита из меха».

Однако, объективно говоря, это относительно нетрудная операция. Ведь «камнем преткновения» служит только один глагол («covered»), который следует употребить в связи с законами грамматики русского языка. Образно выражаясь, «поставить его на своё место». Чаще приходится использовать несколько собственных ресурсов одновременно, чтобы переводчику избежать соблазнительного копирования отдельных элементов исходного сообщения. Любопытный пример приводит в своей кандидатской диссертации известный азербайджанский профессор Р.М. Новрузов. Нижеследующие фразы-сообщения также взяты из творчества Дж. Лондона.

«After a couple of minutes he looked up with an I-thought- you-were-gone expression on his face, and demanded: – “Well?” (J. London). Прошла минута, другая – и он воззрился на меня: какого, дескать, черта тебе еще надо? «Ну!» – властно гаркнул он.

Р.М. Новрузов пишет о том, что «несмотря на крайне малый объём перевода на уровне сообщения, необходимо учитывать массу стилистических тонкостей, присущих конкретному (в данном случае русскому – примечание наше) языку» [5, с. 88–89]. Что же имеется в виду под стилистическими тонкостями? В указанной диссертации, к сожалению, есть только сухая констатация факта в виде двух примеров; мы продолжим мысль учёного. Мотиватором общей ситуации здесь является слово «взгляд». Однако, выражение «he looked up with an I-thought- you-were-gone expression on his face» следует переводить только исходя из ресурсов русского языка. Как видим (перевод Р. Гальпериной), выражение заменено только одним глаголом – «воззрился», имеющим стилистическую помету «просторечный». Точно также «demanded» переведено, как *гаркнул* (а не другим каким-либо глаголом говорения, типа «сказал», «проговорил», «крикнул», прокричал и т.д.). Перед «well», которое чаще всего традиционно переводится частицами «ну» («ну же»; «давай»), или наречиями «ладно», «хорошо», в данном случае заменяющие частицы, употреблено типично русское бранное выражение: *какого, дескать, черта тебе еще надо?* Оно, кстати сказать, абсолютно не свойственно литературному английскому языку, более того противоречит его ментальным нормам и выходит далеко за пределы так называемых «интеллектуальных повестей» Джека Лондона. Казалось бы, весьма вольная трактовка текста переводчиком. Но цель достигнута: собственными языковыми средствами сохранены ситуации как в ИЯ, так и в ПЯ.

Между тем, гораздо сложнее обстоит дело, когда переводчик сталкивается с ситуациями, характерными для одного из двух языков на уровне одной или нескольких фраз-сообщений. И тогда только пристальный анализ ситуации в одном языке способен привести к выбору наиболее подходящего критерия, позволяющего совершить эквивалентный перевод на другом. Однако, чтобы не сложилось мнения об ограниченных возможностях русского переводчика, приведём для наглядности и обратную картину. То есть, укажем на некоторые трудности перевода русского текста на английский язык. Кстати сказать, они иногда наблюдаются не только на материале классической мировой, но и современной художественной литературы.

В доказательство приведём перевод одного из эпизодов романа видного азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева «Суд неправых»: «The main principle in their line of work was never to trust any one. Check out everyone who works with you, who might know about you or help you. Only then can you do a good job without fear of betrayal. Right from the outset you need to get into the habit of checking the words and deeds of even the slightest acquaintance, of everyone that you come into contact with» [8, с. 38]².

Итак, перед нами фрагмент, состоящий из четырёх предложений. Мы намеренно уклонились от приведения текста подлинника, так как нас интересует только последняя фраза-сообщение, а предыдущие три мы привели исключительно в целях подтверждения мысли, которая будет нами изложена, как вывод, – ниже. Итак, в четвёртом предложении допущена одна, но, как нам представляется, весьма серьёзная неточность. «Habit» – это «привычка», и чаще всего это слово употребляется в бытовом значении. (К примеру, ежедневная привычка что-либо делать или пристрастие к чему-либо и т.п.).

Однако в русском источнике в трёх предшествующих фразах-сообщениях речь идёт отнюдь не о привычке, а о деловом принципе, модели поведения. Поэтому в подлиннике Ч. Абдуллаев и употребляет лексику «установка». В русском языке между словами «привычка» и «установка» есть существенная разница как минимум на трёх уровнях: А. Философском; В. Теоретическом; С. Бытовом, обиходном в противовес научному.

Хотя объективно переводчик не всегда обязан углубляться в такого рода научные нюансы, он всё же должен видеть, что ситуация, вытекающая из трёх предложений, типична только для исходного (английского) языка. И потому переводчик претерпел сложности перед выбором подходящей лексики. «Habit», конечно, напрашивалось. Но это не точный подбор языкового средства. К формулировке «Дать соответствующую установку на какое-либо совершаемое действие» здесь объективно более подходят следующие слова: «installation», «arranging», «setting», «instruction», «directive», «establishing» – большой набор на выбор переводчика.

Теперь вернёмся к изначальному варианту, передачи ситуаций с английского языка – на русский. Ещё более ощутимые трудности возникают у переводчиков в тех случаях, когда замена одной лексики или целого выражения вообще не осуществима по самой простой причине: в русском языке они отсутствуют. Для одной очной лексики подходит, по нашему мнению, такой пример на уровне фразы-сообщения: «How you can be gallivanting about in the street with your grandfather lying dead and cold upstairs, I don't know» (S. Houghton)

Мать упрекает несовершеннолетнюю дочь в том, что она не в меру резвится, тогда как в доме покойник – дедушка. Стилистические нормы английского языка позволяют использовать два синонимичных определения (dead and cold). Очевидно, что английский писатель второе имя прилагательное употребляет исключительно в качестве усилительной функции главного признака. Однако в русском языке такая лексическая синонимия принципиально недопустима. В совершенно ином контекстном окружении, возможен, к примеру, такой вариант: «Человек лежал уже

² Перевод в 2018 году осуществлён Анной Томпсон-Ахмадовой.

холодный, то есть в значении: «мёртвый». И не более того. Поэтому в переводе художественного текста следует оставить только одно слово: «мёртвый».

Точно такие же трудности может испытывать переводчик, сталкиваясь с несуществующими в русском языке целостными выражениями. Например: «He was ... indeed as splendid a fellow as one could meet within a day's ride... (J. London). На первый взгляд, в переводе нельзя обойтись без таких выражений, как «такие люди встречаются редко» или «такие люди на дороге не валяются». Но логика требует комментария: где и когда встречаются? На каком временном промежутке? На каких дорогах? Жизни? Судьбы? Этого дополнительного пояснения нет в тексте Джека Лондона. А в русском оно в таком случае необходимо. С другой стороны, «хоть полсвета обойдешь, а таких людей не встретишь» аналогично афористическому выражению в подлиннике. При внимательном рассмотрении оно даже, пожалуй, сильнее оригинала, так как содержит более расширенную пространственно-временную парадигму. Хочется к месту привести слова М.Ю. Федосюка.

Учёный пишет о потенциальном использовании переводчиком динамики тех признаков, которые попали в его поле зрения. Он может быть нейтральным по отношению ко всему урезку речи, а может, напротив, быть выражен по принципу нарастания. М. Федосюк рассматривает динамику признаков с позиции усиления их эмоционального, или эмотивного начала, полагая, что «в этом процессе определённую роль может играть пространственно-временная парадигма. Она симптоматично раздвигает границы и возможности употребления слов в текстах» [7, с. 101–102]. Но имеет ли моральное право специалист так далеко отойти от оригинала? Получается почти по знаменитой формуле Жуковского, только с переменной знака: то есть в прозе переводчик оказывается художником. Так или иначе, но С. Займовский, учитывая передачу ситуации, характерную только для английского языка, перевёл следующим образом: «Это был... в общем превосходный парень, какие встречаются не так уж часто...». Легко бросается в глаза, что в переводе почти нет слов из первоисточника, но он не вызывает нареканий, так как получился в целом и общем проще, понятнее, доступнее.

Наконец, завершить нашу статью нам хотелось бы указаниями на передачу ситуаций, характерных только для второго языка. Надо сказать, что из трёх вариантов, на которых в сущности и построена наша работа, – он очень редкий и вместе с тем наименее изученный. Чаще всего он проявляется в разговорной речи и выразителен, главным образом, для переводимых лексем. Скажем, в предыдущем примере на употребление лексических синонимов – *dead and cold* мы говорили об усечении одного из признаков в русском языке.

Представим себе обратную картину: в разговорной английской речи очень часто употребляют «I had known hunger», что переводится несложным оборотом: Я познал голод. Но чутьё переводчика должно подсказать: по-русски, начиная с фольклора и завершая авторскими художественными произведениями почти всегда произносятся: Я познал и голод, и холод. Сравним: скитания бедняков в подавляющем большинстве русских сказок. Только такое выражение доносит до читателя смысл горьких признаний сказочных героев. Или же возникает ситуация, совершенно не типичная для английского языка, но будучи, как говорится, на слуху у говорящего, может быть ярче представлена в переводе: Например: *I'm not going to have them wasted.* (S. Houghton). Фраза взята нами из литературного сочинения, но относится к разговорному стилю. Её, на наш взгляд, точнее будет перевести весьма ходовым фразеологизмом: Не пропадать же добру!

Заключение. Три вышеуказанных варианта – ситуации, характерные для двух языков – английского и русского одновременно; только исходного либо переводного, как нам представляется, разумеется, не исчерпывают эту большую и сложную проблему. Мы намеренно сузили её рамки характерных ситуаций в русском и английском языках только на уровне сообщений. Это могли быть отдельные фразы или несколько тесно связанных между собой по смыслу предложений. Между тем этот вопрос разрастается по принципу «снежного кома», если к обозначенным ситуациям присовокупить черты и признаки индивидуальных авторских сообщений. В таком случае и лексико-семантическая структура текста заметно усложнится. Но это уже тема отдельного исследования.

Список источников

1. Абдуллаев Ч.А. Суд неправых. Роман. Москва : Эксмо, 2018. 320 с.
2. Дмитренко В.А. Максимальность в переводе. Тетради переводчика. Москва : Международные отношения. 1974. № 11. С. 51–58.
3. Левый И. Искусство перевода. Москва : Прогресс, 1974. 246 с.
4. Лондон Джек. Северные рассказы. Москва : Художественная литература, 1989. 211 с.
5. Новрузов Р.М. Художественный перевод и проблема взаимообогащений литератур: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1989. 155 с.
6. Сьоран Э. М. Дурной демиург. Москва : Просвещение, 1989. 211 с.

References

1. Abdullaev Ch.A. Sud nepravyx. Roman. Moscow, Eksmo. 2018:320.
2. Dmitrenko V.A. Maksimalnost v perevode. Tetradi perevodchika. Moscow, Mezhdunarodnye otноsheniya. 1974;(11):51–58.
3. Levij I. Iskusstvo perevoda. Moscow, Progress. 1974:246.
4. London Dzhek. Severnye rasskazy. Moscow, Xudozhestvennaya literature. 1989:211.

5. Novruzov R.M. Xudozhestvennyj perevod i problema vzaimoobogashhenij literatur. Baku. 1989:155.
6. Soran E.M. Durnoj demiurg. Moscow, Prosveshhenie. 1989:211.

Информация об авторе

Салманова Гюльгяз Сабир гызы – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Salmanova Gulgyaz Sabir gyzy – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.11.2021; одобрена после рецензирования 18.12.2021; принята к публикации 25.12.2021.

The article was submitted 13.11.2021; approved after reviewing 18.12.2021; accepted for publication 25.12.2021.